

*

Новые документы Стокгольмского государственного архива интересны не только потому, что они пополняют наши сведения о биографии И. Тимофеева и помогают лучше понять некоторые высказывания дьяка в его «Временнике», но и потому, что они могут дать дополнительный материал для палеографического анализа рукописи «Временника».

Рукопись «Временника»⁷⁴ написана несколькими почерками: по мнению С. Ф. Платонова — пятью,⁷⁵ по мнению О. А. Державиной — шестью.⁷⁶ Шестой почерк близок ко второму. В силу этой близости между отдельными исследователями и имеются расхождения по вопросу о том, можно ли или нельзя их приписать одному лицу.

И. И. Полосин (вслед за С. Ф. Платоновым) считал, что редактором «Временника» (в сохранившемся списке) был сам Тимофеев, правивший текст дошедшей до нас рукописи.⁷⁷ Это отрицает О. А. Державина. Ее аргументы палеографического характера следующие: 1) филигранны бумаги, на которой написана большая часть «Временника», ведут к 30-м годам XVII в., а некоторые листы бумаги еще более позднего происхождения (филигрань — шут с пятью бубенцами датируется 60-ми годами XVII в.); 2) ни один из почерков, какими написана рукопись «Временника», не совпадает с записью на листе книги десятиен по городу Епифани, которую О. А. Державина считает автографом Тимофеева.

О. А. Державина так представляет себе историю сохранившейся рукописи «Временника». Она была переписана уже после смерти Ивана Тимофеева, в 30-х годах XVII в., с более раннего списка. Переплетена рукопись не была, и тетради сохранялись в разрозненном виде. Некоторые тетради и листы с течением времени пропали, и их пришлось восстанавливать заново. Такое восстановление было произведено в конце 50— начале 60-х годов XVII в., когда с какого-то неизвестного нам списка были вновь переписаны лл. 18—40, 47, 58, 61 (по установившейся в литературе традиции почерк этих листов называется вторым почерком, и как раз на этих листах имеется более поздняя филигрань — шут с пятью бубенцами).

Как полагает О. А. Державина, обращение в 50—60-х годах XVII в. к труду Тимофеева было вызвано тем, что в это время (с 1657 г.) по правительственному поручению велись работы по составлению новой «Степенной книги» и поэтому шли поиски трудов, какие можно было бы использовать в качестве ее источников. В частности, вспомнили и о «Временнике» Тимофеева. О нем говорили гость Матвей Васильев и «купчина» Герасим Дьяков, указывая на то, что списки «Временника» можно найти у князей И. А. Воротынского и А. М. Львова.⁷⁸ Эти данные, считает Державина, объясняют, «каким образом мог быть восстановлен писцом с почерком 2 текст утерянных листов и тетрадей»⁷⁹ «Временника».

Все, что пишет О. А. Державина, весьма правдоподобно. Дают ли что-нибудь для решения поставленной ею проблемы новые документы о Тимофееве? Думаю, что две челобитных Тимофеева из Стокгольмского Государственного архива, а также челобитную из архива ЛОИИ привлечь для изучения этого вопроса следует.

⁷⁴ ГБЛ, № М3737

⁷⁵ Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени, изд. 2 СПб, 1909, стр. XVI—XVII (РИБ, вып. XIII).

⁷⁶ Временчик Ивана Тимофеева, стр. 418—428

⁷⁷ И. И. Полосин Иван Тимофеев — русский мыслитель и дьяк XVII века, стр. 151.

⁷⁸ С. А. Белокуров О Записном приказе — Сборник «Из духовной жизни московского общества XVII века» М., 1903, стр. 62—63

⁷⁹ Временник Ивана Тимофеева, стр. 445—446.